МОНАШЕСКИЕ ОБЕТЫ КАК КАНОНИЧЕСКОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ К БРАКОВЕНЧАНИЮ

Диакон Роман Данилин

магистрант кафедры церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева Лавра, Академия
romadanilin2002@yandex.ru

Для цитирования: *Данилин Р., диак.* Монашеские обеты как каноническое препятствие к бракосочетанию // Праксис. 2025. № 4 (21). С. 103–111. DOI: 10.31802/PRAXIS.2025.21.4.007

Аннотация УДК 348.328.3

В статье описываются исторические и религиозные аспекты заключения и расторжения браков, а также роль монашества в этом процессе. Церковь всегда строго относилась к вопросам браков, так как они связаны с моральными нормами общества. Монашество, возникшее в III веке, сыграло ключевую роль в формировании христианских ценностей, включая обет безбрачия. Обет безбрачия отличает монахов, отказывающихся от мирской и семейной жизни ради жизни во Христе. В римском обществе брак считался основой общества, но постепенно стал профанироваться, особенно из-за законодательных ограничений и корыстных интересов. Многие молодые христиане, противостоя мирским нормам, избрали монашество как форму протеста и духовного поиска. На различных церковных соборах, таких как Анкирский и Трулльский, обсуждались вопросы девства и безбрачия. Были установлены строгие правила и епитимии для нарушителей обетов, подтверждающие важность соблюдения монашеских обетов. Эти обеты, особенно обет безбрачия, остаются непреодолимым препятствием для заключения брака, так как они даются пожизненно и регулируются церковным правом. Эти канонические постановления обстоятельным образом рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: институт монашества, монашеские обеты, брак, Римская империя, бракосочетание, притчи Господни, римский закон, девство и безбрачие, Вселенский Собор.

Monastic Vows as a Canonical Obstacle to Matrimony

Deacon Roman Danilin
MA Student at the Department of Ecclesiastical and Practical Disciplines
at the Moscow Theological Academy
Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia
romadanilin2002@yandex.ru

For citation: Danilin Roman, deacon. "Monastic Vows as a Canonical Obstacle to Matrimony". *Praxis*, № 4 (21), 2025, pp. 103–111 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAXIS.2025.21.4.007

Abstract. The article describes the historical and religious aspects of marriage and divorce, as well as the role of monasticism in this process. The Church has always been strict about marriage issues, as they are linked to the moral norms of society. Monasticism, which emerged in the 3rd century, played a key role in shaping Christian values, including the vow of celibacy. The vow of celibacy distinguishes monks who renounce worldly and family life for a life in Christ. In Roman society, marriage was considered the foundation of society, but gradually became profane, especially because of legal restrictions and vested interests. Many young Christians, resisting worldly norms, chose monasticism as a form of protest and spiritual search. Various church councils, such as Ancyra and Trulla, debated the issues of virginity and celibacy. Strict rules and epithymies were established for vow breakers, reaffirming the importance of keeping monastic vows. These vows, especially the vow of celibacy, remain an insurmountable obstacle to marriage, since they are taken for life and are governed by ecclesiastical law. These canonical rulings are discussed at length in this article.

Keywords: Institution of Monasticism, Monastic Vows, Marriage, Roman Empire, Marriage, the Lord's Parables, Roman Law, Virginity and Celibacy, Ecumenical Council.

К вопросам заключения и расторжения браков во все времена подходили наиболее ответственно, и относились к заключению подобных договоров со всей строгостью. Связано это было прежде всего с необходимостью Церкви охранять и взращивать в пастве нормы нравственности, которые были зачастую попираемы. Церковь, как известно, отвечая на вызовы каждого времени, сформировала свои непопираемые постулаты или иначе каноны, основанные как на Священном Писании, так и на практике святых отцов. Среди многих канонических постановлений, регламентирующих дозволение или наоборот запрещение рассматриваемого в данной статье процесса бракосочетания, особого внимания заслуживает его сторона, связанная с особым укладом христианской жизни — монашеством.

Одним из обетов, который дают верующие перед тем, как принять на себя ангельский образ, является обет безбрачия. Два других обета, произносимых будущим монахом — послушания и нестяжания не запрещают брачное сожительство, однако они уже сами по себе значительно затрудняют его. Но именно обет безбрачия, данный человеком, навсегда отрывает его от всякой мирской жизни и жизни семейной, превращая в подобие ангела — не знающего никакого попечения, кроме жизни во Христе[1]. Как отмечал святитель Герман, патриарх Константинопольский, положение человека в браке и связанного монашескими обетами, согласуется и соотносится так же, как луна и солнце[2]. Спаситель же оставлял решение о выборе брака или монашества на усмотрение человека, то есть в этом проявляется свободная воля человека (Мф. 19, 12).

Институт монашества во Вселенской Церкви зародился в начале III века, содержа в себе предпосылки к появлению еще во времена ветхозаветные. Совершенствование духовных практик в первые века распространения христианства способствовало появлению среди православных верующих людей особо склада, склонных к неустанной молитве и уединению. Они уходили в пустыни и леса, поднимались в горы, селились в пещерах, посвящая свою жизнь исключительно Христу. Колоссальная духовная работа этих людей над собой не могла не иметь твердой опоры в виде воздержания. Среди прочего самым серьезным

1 *Макаров Д. И.* Некоторые замечания о понимании брака и монашества св. Германом II (1223–1240) // Научная сессия ГУАП: сборник докладов. СПб., 2016. С. 72.

2 *Γερμανός ὁ Β΄, πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως.* Βίος, συγγράμματα καὶ διδασκαλία αὐτοῦ. Ἀνέκδοτοι ὁμιλίαι καὶ ἐπιστολαί. Ἐν Τριπόλει, 1913. P. 325.20–24.

испытанием, конечно, было воздержание от всяческого общения с противоположным полом[3].

Это воздержание, однако, противоречило человеческой природе — «плодитесь и размножайтесь» (Быт. 1, 28) и тому, что Сам Господь Иисус Христос, в очередной раз подтверждая эти слова, местом первого Своего чуда избрал Кану Галилейскую, где претворил воду в вино, освятив брак и благословляя всякое благое намерение вступить в оный.

Притчи, сказанные Господом, часто апеллируют к теме брака: брачный пир (Мф. 22, 1–14; Лк. 14, 16–24), о десяти девах (Мф. 25, 1–13). Сам же Себя Христос называл Женихом. Много Он говорил о детях и деторождении, как прямо, так и иносказательно (благословение детей (Мк. 10, 13), притча о жене, терпящей скорбь при родах, но забывшей о ней, «потому что родился человек в мир» (Ин. 16, 21). Все вышеперечисленное позволяет твердо судить о том, что брак и деторождение — дело Богоугодное, являющееся важной составной частью человеческой природы и человеческого бытия.

С другой стороны — римский закон и благочестивый во многих отношениях древний семейный уклад жизни, восходивший еще к этрусскам — основателям Рима и римского права, согласно которому семья есть основа римского общества и римской государственности, обязывали каждого добропорядочного римлянина по достижении совершеннолетия обзаводиться семейством. Формула «bonus pater familias» легла в фундамент Римской республики и Римской империи, где патернализм, означавший в том числе и служение Отечеству в любых проявлениях, признавался служением и своему роду, своей семье.

Брачные отношения в рамках римского частного права отличались уникальной правовой спецификой, многие элементы которой легли в основу современных семейных институтов. Известный юрист Модестин (III в. н. э.) в своих трудах идеализировал брак, определяя его как пожизненный союз мужчины и женщины, основанный на гармонии божественного закона и человеческого права. Однако данная концепция носила скорее философский характер, не отражая действительных социальных практик эпохи[4].

3 *Лермонтова Т. Н.* Брак или девство: мужчина и женщина в свете новозаветного учения // Христианство и мир: сборник материалов VI Всероссийской студенческой научно-богословской конференции. Пенза, 2021. С. 21.

4 *Силакова О. Н., Лахта В. А.* Особенности брачных отношений в праве Древнего Рима // Архивариус. 2016. № 9 (13). С. 158–159.

Реальным воплощением брака в раннем Риме выступала форма «cum manu» — юридически оформленный институт, закреплявший абсолютную власть мужа над супругой. Вступая в такой союз, женщина полностью подчинялась воле мужа или главы его семьи (домовладыки), утрачивая прежний социальный статус. В правовом отношении она приравнивалась к «принятой в род» — члену семьи без кровных связей, что лишало её имущественной и личной автономии. Эта модель, основанная на принципах патриархального доминирования, демонстрирует разрыв между теоретическими трактовками брака и его практическим функционированием в античном социуме. Все это никоим образом не способствовало развитию брачных отношений в империи — напротив, провоцировало скрытые протесты и фиктивное супружество[5].

Появившееся в III веке монашество совпало с Кризисом третьего века, когда в истории по выражению русского философа Д. Е. Галковского «выключили свет». Кризис этот запомнился не только императорами-варварами, восстаниями, вопиющим нарушением закона, гонениями на христиан, но и основательным пересмотром всего корпуса римского права. Многие славные традиции его были кощунственно попраны. В этих условиях множество молодых людей, видя творящееся вокруг беззаконие, нашли успокоение в христианстве, а точнее — в христианском монашестве, которое не вмещало в себя брак как с точки зрения Священных Писаний («плодитесь и размножайтесь»), так и с точки зрения традиционной светской жизни («добрый отец семейства»).

Любое сношение с противоположным полом мешало духовной практике, в особенности, если оно было еще и незаконным (блуд, прелюбодеяние). Брак отнимал много времени на содержание хозяйства и воспитание детей. Просвещаемые Христовой верой молодые люди и девушки выбирали безбрачный и отшельнический образ жизни, сопротивляясь естественному влечению человеческой природы. Тем не менее, не противоречили они и Божественному — напротив, избирали Бога, по своей воле устраняясь от того, что Бог не запрещает и благословляет.

С мирским законом, а равно и с желанием родителей, было сложнее. Родители-язычники отказывались понимать своих детей-христиан, особенно тех, кто хотел сохранить целомудрие, подвергая их порицанию, избиению и часто смерти (мученица Варвара — как яркий пример). Их поддерживали император и Сенат, вводя запреты на безбрачие. Стоит отметить, что юноши и девицы, возлагавшие на себя обет

5 Там же.

целомудрия ради Христа, были обычно из слоев небедных, даже обеспеченных и богатых — нобилитета, крайне заинтересованных в консервации прежних порядков. Отрекавшиеся от мира Христа ради и дававшие обеты безбрачия молодые римляне и римлянки стали первыми явными предвестниками великого института — института православного монашества, на коем и по сей день «держится весь мир».

Уже в начале-середине IV века, после того, как императором Константином Великим христианство было уравнено в правах с другими верованиями и стало де-факто государственной религией, был проведен I Вселенский Собор (325 год), встал вопрос о том, как закрепить законодательно со светской и церковной точек зрения статус приобретшего внушительные масштабы благочестивого отшельнического образа жизни, тогда еще не называвшегося монашеством, но уже имевшее все черты такового. Центральной стала полемика о девстве и безбрачии, которые являются основанием для монашеского подвига.

Впервые вопрос о девстве и безбрачии был поднят на Анкирском Поместном Соборе, проходившем за 11 лет до I Вселенского. В своем 19-ом правиле отцы Собора налагали 4х летнюю епитимию для нарушивших обет девства (как на блудников).

Святитель Василий Великий в перерыве между I и II Вселенскими Соборами составил корпус правил, касавшихся в том числе, нарушения обетов девства. 18-е правило «О епитимии «посвященным девам», которые нарушили обет девства и впали в блуд» значительно ужесточает наказание, приравнивая таких дев к прелюбодейцам. Стоит отметить, что использование здесь акривии святитель объясняет тем, что: «Церковь с течением времени, по благодати Божией, укрепляется в силах и чин дев ныне умножается, то мне кажется, что нужно строго подойти к этому делу, по сути своей ясному, и вникнуть в точный смысл Писания, который можно выявить из следующего рассуждения. Вдовство меньше девства, следовательно, и грех вдов гораздо легче греха дев»[6]. Иными словами, умножающееся количество людей, так или иначе возжелавших идти монашеским путем или близким к нему, требует систематизации церковного права в отношении них. Одним из первых этим начал заниматься святитель Василий, учитывая еще и тот факт, что младшая его сестра — Макрина была монахиней. Впрочем, 18 правило не касалось монашествующих женщин, но только тех, кто решил посвятить себя Христу, остававшись целомудренной.

6 Каноны, или Книга правил, святых апостолов, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отцов. Минск, 2016. С. 174–175.

Созвучно 18-му правилу следующее 19-е «О необходимости монахам произнесения обета девства (безбрачия)»[7]. По мнению Зонары, святитель Василий не требовал от благочестивых монахов давать обеты во всеуслышание, «ибо монахи молча дают согласие жить в чистоте». Впрочем, они должны ясно обещать безбрачие, потому как, если окажутся уличены во лжи, быть подвергнутыми епитимии наравне с блудниками.

60-е правило Василия Великого «О 15-летней епитимии для нарушивших обет девства» касалось не только давших таковой обет, но и монашествующих: «Давшая обет девства и нарушившая обещание пусть, проводя жизнь уединенную, исполнит время епитимии, положенной за грех прелюбодеяния. Это же относится и к тем, кто дал обет вести жизнь монашескую и нарушил его»[8].

Точку в вопросе обета девства для монашествующих поставили два Вселенских Собора, проходившие с разницей почти в 250 лет — Халкидонский или IV Вселенский Собор и Пято-Шестой Трулльский Вселенский Собор. Правило 16-е Халкидонского Собора полностью созвучно прежним правилам, установленным Поместным Анкирским Собором 314 года и святителем Василием Великим в его своде: «Деве, посвятившей себя Владыке Богу, а равным образом и монашествующим не позволено вступать в брак. Если все же найдутся творящие подобное, да будут лишены общения. Впрочем, мы определили, чтобы местный епископ имел полную власть оказывать им человеколюбие»[9]. Как видно из последней фразы, здесь отцы призывают уже не акривии (18-е правило Василия Великого[10]), а икономии в отношении нарушавших обет.

44-е же правило Трулльского Собора гласит, что «монах, обличенный в блудодеянии или приводящий женщину для брачного общения и сожительства, да будет подвергнут епитимиям, положенным по правилам для блудников»[11], как, в принципе, требуют того святитель Василий и отцы Анкирского Собора.

Трулльский Собор 45-ым правилом также ставит диаметральные разграничения между понятиями «невеста» и «невеста Христова», запрещая обычай пострижения в монахини в подвенечном наряде: «Ибо неблагопристойно, чтобы та, которая по собственному произволению уже

7 Там же. С. 175.
8 Там же. С. 181.
9 Там же. С. 32.
10 Там же. С. 174–175.
11 Там же. С. 52.

отвергла житейские удовольствия, с усердием приступила к жительству по Богу, в мыслях своих непоколебимо утвердилась в нем и затем вступила в монастырь, из-за этого тленного и преходящего украшения вновь приводила себе на память то, что уже предала забвению. Это приводит ее в сомнение и смущает ей душу, захлестывая, словно волнами, и бросая то в одну, то в другую сторону. От этого случается также, что она подчас и слезы не проронит, никак не выразив внешне своего сердечного сокрушения; а если, как и следовало, прослезится на мгновение, то видящий это сочтет, что причиной тому — не стремление к поприщу подвига, а оставление мира и того, что в мире»[12].

46-ое правило Трулльского Собора запрещает монашествующим самовольно покидать пределы своего монастыря[13], а 47-е правило этого же Собора не дозволяет женщине спать в мужском монастыре, а мужчине — в женском[14]. Оба этих правила были созданы для поддержания не только порядка, но и ради сохранения монашествующих от плотских соблазнов.

Правила 20-е и 21-е Никейского Собора[15] (787) вторит 46-му и 47-му правилу Трулльского[16]: первое запрещает двойные (мужские и женские) монастыри и регулирует образ общения монахов и монахинь, 21-е же правило подтверждает 47-е.

Как можно заметить, корпус церковного права, полноценно сформировавшийся в Византии уже после падения древнего языческого Рима, достаточно строго регулировал монашескую жизнь и, в том числе, исполнение монашеских обетов, среди которых главным, конечно же, был обет безбрачия. Первые христианские обеты безбрачия изначально давались людьми добровольно, но с распространением христианского учения, расширением церковной инфраструктуры, усложнением церковных взаимоотношений, а также с появлением такого уникального духовного института как монашество, следить за исполнением этих обетов со стороны начальствующих епископов, в том числе, и ради спасения душ пасомых мирян, монахов и клириков становилось сложнее. Принявший на себя обет безбрачия монах, с церковной точки зрения, уже не мог быть супругом — даже если предавал обет и вступал в сожительство с женщиной. Такое сожительство не могло быть узаконено

12 Там же.
13 Там же.
14 Там же. С. 52–53.
15 Там же. С. 73.
16 Там же. С. 52–53.

Церковью и всячески осуждалось с увещеванием к покаянию преступившего обет несмотря на то, что для государства таких запрещений нет ко вступающим в брак.

Таким образом, наличие монашеских обетов и, тем более, обета безбрачия является непреодолимым препятствием для совершения Таинства Браковенчания, ибо они даются и блюдутся монахом пожизненно.

Источники

Каноны, или Книга правил, святых апостолов, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отцов. Минск: Братство в честь святого Архистратига Михаила, 2016.

Γερμανός ὁ Β΄, πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως. Βίος, συγγράμματα καὶ διδασκαλία αὐτοῦ. Ἀνέκδοτοι ὁμιλίαι καὶ ἐπιστολαί / ὑπὸ Σ. Ν. Λαγοπάτη. Ἐν Τριπόλει: [б. и.], 1913.

Литература

Лермонтова Т. Н. Брак или девство: мужчина и женщина в свете новозаветного учения // Христианство и мир: Сборник материалов VI Всероссийской студенческой научно-богословской конференции, Пенза, 31 марта 2021 года. Пенза: Пензенская духовная семинария, 2021. С. 16–25.

Макаров Д. И. Некоторые замечания о понимании брака и монашества св. Германом II (1223–1240) // Научная сессия ГУАП: сборник докладов. СПб.: Изд. ГУАП, 2016. С. 71–73.

Силакова О. Н., Лахта В. А. Особенности брачных отношений в праве Древнего Рима // Архивариус. 2016. № 9 (13). С. 158–161.